

ФИЛОСОФИЯ РЕФОРМ В РОССИИ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ: ВЗГЛЯДЫ М.М. СПЕРАНСКОГО

Названия исторических сочинений редко сочетают в себе научную точность и литературную элегантность. Слишком долго у нас было принято ставить в заглавие формулы «к вопросу» или «актуальные проблемы». Профессор Н.И. Басовская, которой посвящен этот номер, озаглавила одну из своих статей так образно и логично, что мне хотелось бы сделать это название эпиграфом своей статьи. «Воображаемая линия горизонта: Грань между внешней и внутренней политикой в средневековом обществе».^[1] Оговорюсь только, что речь в моей статье пойдет об истории общественной мысли России и Западной Европы XVIII - первых четырех десятилетий XIX вв. Граница между двумя системами идей – русской и западноевропейской – действительно весьма условна. Я попытаюсь показать это на примере идеологии реформ.

 М.М. Сперанский

М.М. Сперанский

Сегодня трудно представить более злободневную тему для изучения, чем жизнь М.М. Сперанского. Явное изменение стиля правительственного курса, смена лозунгов и символов очень напоминают перемены первой половины царствования Александра I (если не начало правления Николая I). Какова будет судьба реформ в современной России? Этот вопрос невольно задают себе те, кто изучает российские преобразования Нового времени.

Опыт трех последних столетий, а также примеры сегодняшнего дня показывают, что существует единый узел проблем на пути российских реформ. Сложность заключена в выборе оптимального варианта взаимодействия и взаимосвязи индивида, общества и государства. Наследие Сперанского имеет особую значимость для осмысления исторического урока реформ в России и в Европе в целом. Его труды необходимо учитывать, пытаясь определить суть индивидуальной свободы, не имеющей асоциальной, антигосударственной направленности.

В современной историографии активно обсуждается воздействие западной политической культуры на российские реформы конца XVII - XX вв.^[2] В научной литературе идет дискуссия о том, что представляло собою российское реформаторство. Было ли оно попыткой некритического заимствования, адаптации западных стандартов к социальной действительности России или проявлением общего для европейских государств поиска политического ответа на социальные, экономические, духовные вопросы? В этом смысле деятельность Сперанского – чиновника и мыслителя - особенно показательна. В его судьбе видна смена исторических эпох: от века просвещенного абсолютизма к современной европейской государственности.

Традиционно реформаторская программа и труды Сперанского рассматривались исключительно в контексте российской внутренней политики. Имя Сперанского многократно сопоставлялось с именами Александра I, Николая I, членов «Негласного комитета», А.А. Аракчеева, Н.М. Карамзина, идеологов декабризма. В моей диссертационной работе была предпринята попытка рассмотреть доктрину Сперанского как одно из явлений общеевропейского реформаторского движения XVIII - XIX вв.[3] Мне казалось важным исследовать не столько то, как русский реформатор пытался заимствовать на Западе формулы и формы, сколько вопрос: почему он верил в принципы и суть европейской государственности?

Эта статья посвящена сопоставлению нескольких ключевых моментов доктрины Сперанского и идеологии европейских реформ его эпохи.

Первая проблема: почему же Сперанский считал, что европейская политическая философия может быть использована в России? Прежде всего отметим: в XVIII в. господствовало представление о том, что Европа представляет собою единую политическую систему, живущую по общим естественным законам. Например, в известном «проекте вечного мира» Ш. де Сен-Пьера 1712 г. подчеркивалось, что европейцев объединяют христианство, нравственность, искусство и торговля. Фихте сформулировал общую мысль изучаемого периода: человеческий разум, мораль образуют единый разум и мораль. Такое объединение интеллекта с духом и превращает разрозненных людей в сотрудников «в великом... плане человечества».[4]

Разумеется, нельзя считать, что среди сторонников реформ - предшественников и современников Сперанского - господствовало убеждение в необходимости создания одинаковых государств. Общие принципы различно реализуются в различных условиях.[5] Классический довод просветителей: разница климата, географического положения, численности населения, «духа и характера нации». Уже в 1830-е гг. В. Гумбольдт совмещал идею общего пути прогресса и национальной самобытности. Политик писал о единстве человеческого рода и общем будущем человечества, к которому каждый народ идет своим индивидуальным путем.[6]

Российское просвещение признавало Россию именно европейской державой и распространяло на нее общие политические законы. Четко эта мысль высказана в наказе Екатерины II. Два сотрудника Сперанского по кодификационной работе - В.В. Попугаев (в 1802 г.) и А.П. Куницын (в 1818 г.) - повторяли эту мысль в своих работах.[7] В архиве Сперанского сохранилась анонимная рукопись: рассказ о беседе Петра I и Лейбница. В этом произведении царь называет целью своих реформ «вхождение в систему европейскую».[8] Таким образом, признание существования общих для Европы и России правил политической жизни было традиционно.

Российская внешняя политика традиционно основывалась на том принципе, что Россия - великая европейская держава. Реализация этой идеи наглядно видна в переписке Сперанского с российскими дипломатами. В 1811 г. К.В. Нессельроде соглашался со Сперанским в необходимости коллективных антинаполеоновских действий государств континента и подчеркивал при этом: «Отделять наши интересы от интересов Европы ни в коем случае не следует».[9]

Из письма С.С. Уварову из Иркутска видно, что Сперанский считал объединяющими факторами для европейских государств, прежде всего, науку, «чувство изящного» и религию.[10] По его мнению, существует только одна истина, общий для человечества истинный закон. В 1838 г. Сперанский писал, что сущность правды человеческого разума и совести «всегда одна и та же». Отличается только ее восприятие народом в зависимости от условий его жизни, его исторического прошлого и «степени нравственного порядка». Естественные законы установлены «непосредственно от Бога», «разум познает сии законы, но ни составить, ни изменить их не может», «закон нравственный есть один и тот же - закон всеобщий».[11] Естественные законы - общие для всего человечества. Поэтому истина, познаваемая разумом, едина для всего мира.

Чувство совести, считал Сперанский, присуще всем людям. Именно оно и является основой всеобщего нравственного и естественного закона. В этой взаимосвязи морали, нравственности и разума заключена, по Сперанскому, объединяющая сила человечества. Христианское видение истории было для Сперанского первоосновой единства человечества. Человечества как общности, опирающейся на Завет, познаваемый человеческим разумом и совестью.

В 1803 г. Сперанский осуждал мысль о том, что народы с различной исторической судьбой могут управляться одинаково, но, был он убежден, «общие правила» управления одинаковы во всех государствах.[12] В 1833 г. он объяснял отличия систем российской и западноевропейской государственности различным историческим прошлым народов. По его мнению, были несхожи детали права, но общим был его рационально познаваемый идеал.[13] И в своем последнем сочинении в 1838 г. Сперанский писал о том, что человек не есть «нечто отдельное, но составная часть человечества». Силы индивида, нравственные силы каждого общества составляют «общие силы человечества».[14] Поэтому жизнь человека и различных народов проходит в соответствии с едиными закономерностями. В 30-е гг. в лекциях цесаревичу и в обширном трактате «Введение к познанию законов» Сперанский (как и Гегель в «Философии права») приводил пример Англии как страны, законы которой хороши именно для англичан.[15] При этом Гегель и Сперанский были убеждены в том, что есть главные объединяющие принципы общественной жизни для всех цивилизованных народов.

Думается, что мировоззрение Сперанского полностью соответствовало идее, высказанной 17 февраля 1815 г. кн. А.Н. Салтыковым при обсуждении в Государственном совете работы Комиссии составления законов. Отвечая на упрек в сходстве текстов законопроектов с текстами Кодекса Наполеона, Салтыков говорил, что видеть в таком совпадении недостаток - ошибка. «Народ российский, подавший... пример пламенной любви к Отечеству и всех добродетелей, составляющих истинное достоинство гражданина, может без унижения признаться, что в некоторых государствах просвещение сделало более успехов».[16]

Следующая проблема, которая стоит перед нами, – объяснить причины веры в государственные реформы, в легитимные прогрессивные политические изменения. Само понятие «реформа» означало в XVIII – 30-е гг. XIX вв. признание социального прогресса. Существование прогресса во всемирной истории воспринималось сторонниками реформ как закон. Подчеркивая это, известный французский реформатор Тюрго сравнивал жизнь человека и развитие всего человечества. По мнению министра Людовика XVI, направление изменений - от элементарного к более совершенному. Сперанский использовал то же сравнение, когда в 30-е гг. в своих записках рассуждал о сменяющих друг друга эпохах жизни общества.[17]

И. Кант писал в 1794 г. о двух взглядах на мир. Первое - мир ухудшается. Второе - героическое мнение о том, что мир беспрестанно (хотя и незаметно) идет от плохого к лучшему.[18] Последнее мнение было свойственно политическим реформаторам. Правительственный «Северный вестник» утверждал в 1805 г., что с середины XVIII в. Европа «переменилась почти во всех отношениях» - каждое поколение завещает наследникам «потребность усовершенствования себя».[19] Изменение в жизни общества имеет определенный вектор. Этот вектор, по словам Шеллинга, - бесконечное совершенствование.[20] Существование прогресса было неоспоримо и для Б. Констана.[21] После 1815 г. Гегель декларировал: прогрессирующее развитие протекает внешне спокойно и незаметно. Но философ еще и еще раз подтверждал постоянное изменение, развитие государства.[22] О поступательном развитии человечества писал и В. Гумбольдт, причем не только в политических произведениях 1792 и 1819 гг., но и в исследованиях по языкознанию в 1820 - 1830-е гг.[23]

Стержнем общественного прогресса считалось развитие человеческой морали, нравственности и рационального знания. Различались акценты в понимании сути эволюции. По мнению Тюрго, высказанному в 1750 г., источником единого для всего мира прогресса являлся разум.[24] Эту позицию разделял И. Фихте, когда писал в 1794 г., что именно от развития наук зависит непосредственно все развитие рода человеческого.[25] Еще в конце 1750-х гг. А. Смит оспаривал эти просветительские представления и ставил на первое место человеческие чувства. Такое восприятие было более близко Сперанскому, который в работах 30-х гг. говорил о «смягчении» нравственности как первопричине политических изменений.[26] В любом случае двигателем развития считалось совершенствование внутреннего мира человека. Причем человека, познающего свет истины.

Одну из самых распространенных при жизни Сперанского точек зрения на суть социальной эволюции выразил Ф. Шеллинг. История есть продолжающееся, «постепенно обнаруживающее себя откровение абсолюта».[27] Сходную мысль высказал Сперанский, писавший о связи нравственного развития человечества и распространении христианства.[28] В 1819 г. Сперанский подчеркивал: «...Везде, на всех концах света есть всеобщее движение в природе физической и моральной... от тьмы к свету, от заблуждений к истине».[29] В 1835 г. он писал, что смысл человеческого существования - движение «к добру вообще, к усовершенствованию бытия». В конце жизни Сперанский так определял понятие «добро» - все, что способствует сохранению и усовершенствованию человеческого существования.

Смысл существования индивида - нравственное совершенствование. Именно в этом движении по пути прогресса едино человечество. Для всех народов «добро нравственное, совершенное есть одно; но степени, к нему ведущие, могут быть многочисленными». Сперанский писал о «постепенном развитии» общества и связанных с ним государственных институтов.[30]

В 1802 г. он признавал, что государства, противодействующие прогрессу общества, могут прийти к катастрофе. Главная политическая тема «Введения к Уложению...» в 1809 г.: реформа политической системы в соответствии с требованиями экономической и социальной жизни. Прочитируем слова 1809 г.: «Сколько бедствий, сколько пролития крови можно бы было упредить, если бы правители держав... не народ приспособляли к правлению, но правление к состоянию народа».[31] В 1835 г. в лекциях цесаревичу Сперанский говорил о естественном законе человеческой свободы - стремлении к «сохранению бытия или его усовершенствованию».[32]

Этой же теме посвящены его «Заметки», копия которых датирована 1839 г. В этом сочинении он снова повторял свою мысль о том, что законодатель не может и не должен переменять «возраст» общества. Он должен управлять, учитывая степень развития данного сообщества.[33] Само изменение степени социального развития не оспаривалось Сперанским и в конце его жизни. Выражая собственные наблюдения, прямо ссылаясь на авторитет И. Бентама, Сперанский неоднократно писал, что не воля законодателя, правительства, а народная «воля к свободе в продолжение многих лет», просвещение, развитие экономики - движущие силы реформы.[34] Отметим, что вся реформаторская программа В. Гумбольдта была основана на этом же принципе. Реформа должна быть результатом развития «нравственной силы народа», писал политик и в 1792 г., и в 1815 г.[35]

Содействие движению от заблуждения к истине (используем слова Сперанского) было смыслом деятельности реформатора. Каждый ответственный шаг Сперанского на политической арене был вызван его стремлением содействовать прогрессу общества. В работах начала XIX в. – 30-х гг. Сперанский доказывал необходимость изменения устаревших (нерациональных) правил общественной жизни. Именно в этом теоретическом положении - основной элемент реформаторской программы Сперанского и европейского реформаторства.

В течение жизни Сперанского принципиально менялось идеологическое обоснование цели реформ в Европе. Во второй половине XVIII в. ее видели в достижении идеала и счастья людей. Либеральная идеология «сводила» задачу к признанию, соблюдению и защите прав человека. В английской общественной мысли господствовало представление о государстве как «необходимом зле», как о средстве борьбы с теми, кто нарушает права других.[36] В немецком либерализме свобода индивида мыслилась только при наличии государства, суверенного по отношению к личности, народу и правителю.[37]

Как же менялись представления Сперанского о целях реформ? Следует подчеркнуть, что прогресс государства в сочинениях 1804 - 1812 гг. трактовался Сперанским именно как развитие свободы человека. В записке «О духе правительства» постоянно подчеркивалось влияние политики Екатерины II и Павла I на «новую цену понятиям свободы». В 1802 г. Сперанский писал о сути политического просвещения как о приближении к свободе (запись «О силе общего мнения»). Эта же мысль развита в программном проекте 1803 г. Тогда целью закона Сперанский называл ограничение естественной свободы человека только для обеспечения безопасности индивида и общества. Государство и должно обеспечить личную и имущественную безопасность человека. На вопрос о том, выполняется ли эта задача в России, Сперанский давал отрицательный ответ. В 1803 г. смысл преобразований он видел в достижении максимально возможной степени совершенства, но не самого идеала. Реформа должна была подготовить государственный аппарат и население к созданию в будущем власти, опирающейся на «просвещение, честь и деньги». Причем сами реформы государственный деятель в 1803 г. определял как «попытки о порядке и свободе».

В 1809 г. во «Введении к Уложению...» Сперанский повторял мысль о том, что главная задача - обеспечение свободы и безопасности. Трижды в одном тексте он формулировал эту мысль для определения цели законов. Кроме того, он говорил о безопасности как неотъемлемом праве человека. Позднее, в пермском письме 1813 г., Сперанский писал, что реформы Александра I были направлены на создание основания власти, построенного на законах, «сообразно духу времени и степени просвещения». Сперанский подчеркивал необходимость укрепить государственную власть, придавая ей «более правильности, достоинства и истинной силы».[38] В этой работе Сперанский напоминал императору о

том, что в период подготовки «Введения к Уложению...» они обсуждали нравственные правила человеческой жизни. Какие же правила Сперанский в 1813 г. называл основными? Он говорил о достоинстве человека, о принципах христианского учения. Таким образом, политическая деятельность Сперанского имела четкие ориентиры - достоинство индивида и высшие законы религии, определявшие смысл человеческой жизни.

В проекте губернских учреждений, подготовленном для комитета 6 декабря 1826 г., Сперанский буквально повторял свои слова 1809 г. Цель правления (подразумеваются губернские органы) является «охранение безопасности лиц и имущества» от насилия и беспорядков.[\[39\]](#)

Как изменилась оценка смысла государственной деятельности Сперанским в последние годы его жизни? В лекциях наследнику и в «Руководстве к познанию законов» 1838 г. он внушал, что естественным достоянием человека являются его личная свобода и имущественные права. Власть над собою и своим имуществом дана Богом разумному и свободному человеку. Смысл существования государства - в защите этого дара. Гарантирование прав человека - условие существования общества. Государство должно обеспечить народу законодательную «равную защиту от гнетущих его нужд и покровительство в произведениях своего труда и собственности». Характерно, что, объясняя в 1830-х годах обстоятельства, способствовавшие закреплению крестьян, политик указывал на отсутствие законов, государственного арбитража в спорах «помещик – крестьянин», нотариально заверенных договоров.[\[40\]](#)

В лекции наследнику престола 9 ноября 1835 г. прямо указывается, что цель власти - «охранить пределы собственности и оградить безопасность общую и частную». Права человека ограничены правами других людей, общественными интересами и находятся «под общою защитою верховной власти». Цель государства, писал Сперанский в конспектах цесаревичу Александру Николаевичу, «в том, чтобы весь народ постепенно подвигался к добру, к нравственному совершенству».[\[41\]](#)

В признании миссионерской функции государства, о которой реформатор писал в конце жизни, заключено отличие концепции Сперанского и либералов Европы 30-х гг. XIX в. Как и лекции Гегеля в Берлинском университете, так и лекции Сперанского цесаревичу содержат указания на то, что главный смысл государства - царство Божие. И оба автора приходят к выводу о том, что именно таким путем государственность сможет выполнить свою непосредственную задачу - защитить свободу и благосостояние человека.[\[42\]](#)

Прогресс общества для Сперанского - главное дело государства. Средством его обеспечения (но не самоцелью, как считал Сперанский в начале XIX в.) является законодательное гарантирование прав граждан. В 1835 г. Сперанский пытался совместить принцип «свобода и собственность» с идеей «общественного блага».

Как мы видим, в 1802, 1803, 1809, 1813, 1835 и 1838 гг. – на протяжении всей своей жизни - Сперанский оперировал основополагающими понятиями европейской политической философии. Он верил в такие политические ценности, как личная и имущественная безопасность, естественные права человека, свобода и достоинство. Он делал государство средством обеспечения этих принципов. Законодательство, деятельность административных и судебных органов, юридические процедуры, оформление документов - все это должно было, по мысли Сперанского, гарантировать свободу воли индивида, его права и право собственности прежде всего. Именно в этом состоит принципиальное сходство политической программы Сперанского и мировоззрения европейских либеральных мыслителей.

Понимание цели государственной деятельности в трактовке Сперанского является образчиком либерального политического мышления. В его основе - понятия свободы и собственности. Именно признание основополагающего характера этих двух институтов характеризует классический период либерализма.

Сперанский не стремился «переделать Россию» (реформировать государственную систему, преобразовать общественные и экономические отношения) по «западному образцу». Ход его мысли был иной: человечество едино в своей предназначенной свыше судьбе, в России и других государствах исторический прогресс происходит по единой схеме. Поэтому Сперанский планировал осуществить преобразования согласно единым христианским принципам и политическим правилам. Рациональные способы развития России и других стран Европы не имели, по мнению Сперанского, принципиальных

отличий.

Ошибочным является мнение о том, что Сперанский стремился скопировать только формулировки европейских законов (устройство государственных учреждений, законодательные правила). Основополагающие постулаты Сперанского и европейских либеральных мыслителей, реформаторов XVIII - первой трети XIX вв., едины. Сходство не во внешних деталях, а в основополагающих принципах. Поэтому мы можем утверждать, что весьма условна и призрачна граница между мировоззрением Сперанского и философией современных ему либеральных реформ в Европе.

Примечания:

[1] Басовская Н.И. Воображаемая линия горизонта: Грань между внешней и внутренней политикой в средневековом обществе//Проблемы истории и историографии рабочего движения. М.,1991. С.12-22.

[2] Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.,1998; *Lincoln W.B.* In the vanguard of reforms: Russia's enlightened bureaucracy, 1825 - 1861. Dacacalb,1982; *McKey D., Scott H.M.* The rise of the great powers 1648 - 1815. 2-d imp. L.; N.Y.,1984; *Saunders D.* Russia in the age of reaction and reform, 1801 - 1881. 2-nd imp. L.;N.Y.,1994.

[3] Александров А.А. Реформаторская деятельность графа М.М. Сперанского в контексте европейских преобразований XVIII - тридцатых годов XIX века: Дис...канд. ист. наук. М.:РГГУ,1999/Научный руководитель – профессор Н.И. Басовская.

[4] Фихте И.Г. Сочинения. Спб.,1993. Т.1. С.439.

[5] Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. М.,1994. С.478; *Монтескье Ш.Л.* Избранные произведения. М.,1955. С.79,655.

[6] Гумбольдт В. Избранные работы по языкознанию. М.,1984. С.55,64.

[7] Русские просветители: От Радищева до декабристов. М.,1966. Т.1. С.283-284; Т.2. С.180,324.

[8] Помещено в приложении к дис.: *Мальцева С.А.* Социально-философская концепция М.М. Сперанского, 1772 - 1838. Дис... к.филос.н. Л.,1983.

[9] Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы Российского МИД. Сер.1. Т.6. М.,1962. С.77.

[10] ОР ГИМ. Ф.17. Д.81. Л.52.

[11] *Сперанский М.М.* Руководство к познанию законов. СПб.,1845. Ст. 23,39; *Сперанский М.М.* О законах//Сборник Русского исторического общества. Т.30. СПб.,1881. С.336,340.

[12] *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.;Л.,1961. С.112.

[13] [*Сперанский М.М.*] Обзорение исторических сведений о Своде законов. СПб.,1837. С.84-86.

[14] *Сперанский М.М.* О законах. С.333; *Он же.* Руководство к познанию законов. Ст.100.

[15] Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.,1990. С.469.

[16] Журналы по делам департамента законов//Архив Государственного совета. Т.4. Царствование имп. Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). Ч.1. СПб.,1874. С.161.

[17] ОР ИРЛИ. Р.1. Оп.25. Д.121. Л.8.

[18] Кант И. Собрание сочинений. Т.6. М.,1994. С.18-19.

- [19] Просвещение//Северный вестник. 1805. Ч.6. С.176.
- [20] Шеллинг Ф.В. Сочинения. М.,1987. Т.1. С.455.
- [21] О свободе: Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М.,1995. С.212.
- [22] Гегель Г.В.Ф. Указ.соч. С.337,468.
- [23] Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.,1984. С.49,55.
- [24] Тюрго А.Р. Избранные философские произведения. М.,1937. С.53.
- [25] Фихте И.Г. Сочинения. Т.2. СПб.,1993. С.46.
- [26] ОР ИРЛИ. Р.1. Оп.25. Д.121. Л.4об.; ОР РНБ. Ф.731. Д.1171. Л.35
- [27] Шеллинг Ф.В. Сочинения. М.,1987. Т.1. С.465.
- [28] ОР ИРЛИ. Р.1. Оп.25. Д.121. Л.1. См.: Русская старина. 1900. Т.52. N 5.
- [29] ОР ГИМ. Ф.17. Д.81. Л.52об.
- [30] Сперанский М.М. О законах. С.336-337,344,435,437; Он же. Проекты и записки. С.75-76,119.
- [31] Сперанский М.М. Проекты и записки. С.81,156.
- [32] Сперанский М.М. О законах. С.327-328.
- [33] ОР ИРЛИ. Р.1. Оп.25. Д.121. Л.8-8об (данный фрагмент частично опубликован в кн.: В память графа М.М. Сперанского, 1772 - 1872. СПб.,1872. С.800).
- [34] Сперанский М.М. Проекты и записки. С.85,113,139; ОР РНБ. Ф.731. Д.1171. Л.36.
- [35] О свободе. С.194-195.
- [36] Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.,1984. С.360, Трактаты о вечном мире. С.86.
- [37] Либерализм Запада XVII - XX вв. М.,1995. С.76.
- [38] План государственного преобразования. М.,1905. С.329,331,357.
- [39] Сборник РИО. СПб.,1894. Т.90. С.278.
- [40] ОР РНБ. Ф.731. Д.1171. Л.23
- [41] Сборник РИО. Т.30. С.344,354,366; Руководство к познанию законов. Ст.48-50.
- [42] Гегель Г.В.Ф. Указ.соч. С.466.